

Всегда, до самого смертного дня, оставайся открытым, до боли открытым, а потом открывайся еще больше — мир бесконечен, аминь.

Джордж Сондерс. Новая Мекка

Глава 1

Это вторничное утро с виду ничем не отличалось от всех предыдущих: Анджелина стояла у кухонной раковины, а мужчина, которого она любила без малого двадцать пять лет, наклонился и поцеловал ее на прощание. Но на сей раз, вместо того чтобы проводить его до задней двери, она осталась где стояла, держа руку на протекающем кране, не сводя глаз с гор Северной Джорджии и прислушиваясь в ожидании стука закрывающейся двери. Затем ее рука соскользнула с крана, и из него хлынула вода, забрызгав ее черный свитер.

В минувшие выходные они с Уиллом отправили младшую дочь Айрис в Университет Миссисипи, где той предстояло начать новую жизнь, и в ознаменование того, что гнездо окончательно опустело, сняли однокомнатный коттедж на озере Ланьер. Однако ночью, когда Анджелина закрыла глаза в простой деревенской кровати, все ее помыслы были прикованы к приближающемуся дню, когда дом впервые в жизни станет безлюдным.

Стоя у раковины, она стянула с себя мокрый свитер и бросила его на кухонный пол.

Совсем безлюдным — не таким, как раньше, когда Кара хоть и приходила из школы в четвертом часу, но, если у нее была самоподготовка и только потом обед, могла заскочить в середине дня, часок посмотреть телевизор и перехватить сэндвич с тунцом. Или когда Ливи после школы до половины шестого торчала на волейболе, а явившись домой, осведомлялась, купила ли мама «Оранжину»¹ для вечеринки во французском клубе. Или когда Айрис иногда проводила по два дня у подруги в Атланте. Теперь дом опустел *по-настоящему*. Уилл будет возвращаться домой не раньше шести тридцати. Ежедневно до самого Дня благодарения, не считая выходных.

Анджелина услышала, как с грохотом поднялись гаражные ворота, затем последовала долгая пауза, и они наконец опустились. Она стала считать про себя и досчитала до двенадцати, прежде чем осознала, что раньше поступала так, чтобы убедиться, что ребенок не просто задремал, а крепко уснул. Она досчитывала до ста и только потом осмеливалась подняться с кресла-качалки и перенести малышку в кроватку. Даже спустя столько лет Анджелина хорошо помнила, как, освободившись от

¹ Популярный газированный напиток. — *Здесь и далее прим. пер.*

крошечного свертка — на минуту или на час-другой, на цыпочках выходила из комнаты: ей казалось, будто она сбросила тяжкий груз и это слишком хорошо, чтобы быть правдой, и, уж конечно, долго не продлится. Ныне все ее крошечные свертки выросли и прекрасно устроились в этом мире: Кара — на юридическом факультете в Афинах, Ливи — за границей, в Париже, где ей предстояло проучиться осенний семестр, Айрис — в колледже Университета Миссисипи. А перед Анджелиной наконец простерлось то, к чему она так долго стремилась: необъятная взлетная полоса — и никаких препятствий на пути.

Досчитав до ста, Анджелина сняла часы и кольца и положила их на стоявшее у раковины глиняное блюдо с процарапанной на дне буквой «Я» (поделка Айрис из летнего лагеря). С мокрыми руками повернулась лицом к пустоте, и та убралась восвояси: прошелестела по деревянному полу в прихожую, обвила перила, поднялась по лестнице вверх и улетела сквозь треугольные отверстия плечиков. Никаких планов на этот момент Анджелина не строила. Осознанно. Она не собиралась *решать*, что будет делать. Хотела посмотреть, какое дело подвернется само. И опасалась, что больше нечему подворачиваться.

Она вытерла руки посудным полотенцем, которое Уилл некогда продел в ручку выдвижного ящика

под раковиной, настолько затертым, что вспомнить его первоначальный цвет не представлялось возможным. Затертым, но мягким.

Видневшиеся за окнами горы, обычно таявшие вдали, сегодня казались совсем близкими, рукой подать. У соснового кухонного стола, который они с Уиллом купили на частной распродаже сразу после переезда в этот дом, Анджелина скинула свои «найки». Восемидесятилетняя женщина, которая продала им стол, сообщила, что сосна разбухает и усыхает, выжимая влагу из своей сердцевины, и именно это делает ее древесину твердой и долговечной. Такой большой стол Анджелине был больше не нужен.

В кабинете, рядом с креслом Уилла, она сбросила с себя белую блузку и, провожая ее взглядом, увидела, как та коротким рукавом зацепилась за угол кожаной спинки кресла-реклайнера. Многие, многие годы ее пригвождали к месту, заваливали, погребали под собой целые горы одежды. Одежда жены и матери. Фартуки, коктейльные платья, джинсы для беременных, кепки, «что-то подходящее случаю», туфли на каблуках, ботинки, не-такую-рубашку-мама. В столовой, перед выходящими на тихую улицу двоянными окнами, она стащила сначала один, затем другой тонкий носок. У подножия лестницы, ощущая всё возрастающую легкость и ускоряясь, выскользнула из широких штанов. На

полпути наверх сняла через голову черный спортивный топ. На втором этаже сбросила черные же трусы.

И осталась в пустом доме совершенно нагая.

Она долго кружилась на месте и тяжело выдыхала, но наконец сумела успокоиться и сфокусироваться на том крошечном кусочке мира, который видела ежедневно: шестнадцать потертых ступеней, блестящие деревянные перила, стена цвета кофе с молоком и портреты каждой из трех дочерей в возрасте пяти лет; внизу — входная дверь с четырьмя квадратными окошечками в верхней части и остальной мир за порогом.

Часы с восьми до восемнадцати тридцати, самый разгар дня, служили ей предохранительным клапаном. Последние несколько лет она боролась с ощущением, что вот-вот взорвется (когда скандалом грозил даже невинный вопрос «Что у нас на ужин?»), при помощи мантры «Дом уже почти опустел».

Анджелина услышала какой-то шум и замерла. Шум повторился. Это упал лед в льдогенераторе. Она опустилась на верхнюю ступеньку лестницы, которая обожгла ее обнаженное тело холодом. Оглядела свои ноги, синие вены, в которых струилась красная кровь, деформированные пальцы ног. Кромки половиц защемили кожу на ягодицах. Она встала.

В конце коридора виднелась открытая дверь в «телефонную кабинку» — кладовку со встроенным письменным столом. Анджелина и Уилл, переехав сюда, дали название крошечному помещению еще до появления беспроводных телефонов, а потом, в доноутбучную эру, в нем поставили компьютер. Впоследствии хранили школьные принадлежности, которыми Анджелина ежегодно закупалась в сентябре. Что разместить там теперь, она не знала.

Анджелина перешла в их с Уиллом спальню, окна которой в этот погожий сентябрьский денек были распахнуты. Откинув покрывало, забралась под него. Когда-то давно она спала обнаженной. И Уилл тоже. Но родители, по его мнению, спать голыми не должны.

Анджелина натянула одеяло на голову и представила, как о кожу разбиваются гладкие соленые волны и океанская бездна постепенно затягивает ее. В последний момент она, отчаянно сопротивляясь, устремляется к поверхности, пронзает ее и вырывается на свободу; по ее лицу стекают капли, она открывает глаза, а вокруг искрится солнечный свет.

Она встала. Все вещи в комнате лежали на своих местах. Таков уж Уилл. Такой была и ее мать, вынужденно признавала Анджелина, да и сама она тоже. Анджелина раскинула руки, точно пугало, и вдруг закружилась по комнате: раз, два, три...

А когда остановилась, ей показалось, что она всё еще кружится, однако с замедлением вращения внутреннее смятение постепенно улеглось. Она почти въяве увидела чистый лист, представший перед ней много лет назад, прежде чем она решила стать патронажной сестрой, стать женой, стать матерью. Прежде чем поняла, что каждый из вариантов сопряжен с определенными обязательствами. И что каждый вариант исключает остальные.

На прикроватном столике Уилла стоял старомодный будильник, отделанный пластиком «под дерево», с которым муж отказывался расставаться, поскольку тот до сих пор работал. Муж ей не мешал. Анджелина была довольна, что он существует где-то рядом, как бы обрамляя ее жизнь. Это лучше, чем ничего. Если ей хотелось поговорить, говорила она именно с ним. Когда вечерами он возвращался домой, была рада его видеть. И часто сидела на веранде, поджидая его. Возможно, будет поджидать и сегодня.

Ей необходимо что-нибудь, чтобы взбодриться. Мимоза!² Она отрежет дольку апельсина для украшения бокала. Но перед тем как спуститься, Анджелина прошла по коридору и постучала костяшками пальцев в каждую закрытую дверь, прислушиваясь к пустоте с другой стороны. Летом, пока Айрис

² Имеется в виду коктейль из шампанского с апельсиновым соком.

собирала вещи для колледжа, Анджелина наводила порядок в фотографиях, убиралась в комнатах Кары и Ливи и наполняла коробки, предназначенные для чердака, с удовольствием перебирая миниатюрные футболочки, мятые акварели с домиками и любуясь дурацкими улыбками именинниц. На прошлой неделе, после того как Уилл вынес последний чемодан, а Айрис выбежала с последней рубашкой, едва не забытой на вешалке, Анджелина закрыла заднюю дверь, спокойная и удовлетворенная. Девочки будут звонить и приезжать домой на каникулы, но ее повседневным материнским хлопотам пришел конец.

Держа ладонь прямо над перилами, она спустилась на одну ступень, потом на другую. Кожу покалывало. Очутившись внизу, она устремила к окнам столовой, не зная, хочется ли ей, чтобы ее увидели, но точно зная, что ей хочется стоять там, где ее могут увидеть. И если бы она не отменила визит дезинсектора, в этот самый момент он вскинул бы свои темные глаза, замер на месте и уставился на нее. Он задался бы вопросом, кто эта женщина — та, которая стоит сейчас в окне на виду у всех.

Но дезинсектор не пришел, и она сама гадала, кто эта женщина в окне.

Когда Анджелина познакомилась с Уиллом, ей было двадцать пять лет и она работала патронажной

сестрой, когда они поженились — двадцать шесть, Кару она родила в двадцать семь, Ливи — в двадцать девять, Айрис — в тридцать один, и вот наконец ей стукнуло сорок девять. *Теперь* ей сорок девять. Она подалась вперед, к самому стеклу, и прижалась лицом к знакомой поверхности. Как мало видно отсюда: одна только трава. И дети. Вечно нужно было готовить очередной ужин, покупать очередное платье, смотреть очередной футбольный матч, отвечать на очередной звонок. «Посмотри на меня, мама!»

До самого недавнего времени.

А теперь можно отступить на шаг и увидеть чуть больше. Анджелина оторвала голову от стекла, и в этот момент мимо дома проехал красный грузовик. Она ухватила за толстую штору, пытаясь прикрыться, и бросилась к лестнице, на ходу подбрав носки и черные брюки. На ступенях приостановилась, чтобы поднять топ и трусы. Оказавшись в безопасности в своей комнате, Анджелина не в первый раз посетовала, какая же она трусиха, и захлопнула дверь.

* * *

На следующий день, после поцелуя у раковины, стука задней двери и громохання поднимающихся и — наконец-то! — опускающихся ворот, Анджелина достала из кладовки в конце коридора большую

«таргетовскую»³ сумку и поднялась по лестнице. Высыпала содержимое пакета — обычные и арахисовые «Эм-энд-эмс», желейные конфеты, «сникерсы», мятные «Джуниор минтс», драже «Гуд энд пленти», кексы с арахисовым маслом «Ризис», вафли «Кит-Кат», карамельные «кукурузки»⁴, батончики «Баттерфингер», карамель в шоколаде «Милк дадс» и кислый жевательный мармелад — на пол спальни. Разложила лакомства вокруг, соорудив странный циферблат, и, двигая руками, точно часовыми стрелками, принялась поочередно отмечать пальцами каждый «час», пока смотрела «Безопасный проход» с Сэмом Шепардом и Сьюзан Сарандон, гадая, случайно ли на главные роли пригласили актеров с одинаковыми инициалами — SS. Потом поставила диск на паузу и унесла тон голоса Сьюзан, выразивший ее раздраженно-пренебрежительное отношение к Сэму, с собой вниз, на кухню. Насыпая сырные крекеры «Чиз-итс» в картонную миску, задалась вопросом, является ли подобный тон признаком отдаления от того, кого любишь.

Уилл пригласил ее на второе свидание уже на первом; повсюду оставлял ей записки с неровными широкими сердечками над подписью; так же как

³ «Таргет» — известная американская сеть супермаркетов.

⁴ Популярная трехцветная карамель в виде конических зерен кукурузы, считающаяся одним из главных лакомств Хеллоуина.

и она, хотел детей; и на все бы пошел ради нее. Однако если бы жена попалась сейчас ему на глаза, он непременно нахмурился бы. Уилл не смотрел фильмы в светлое время суток. Никогда не перекусывал между приемами пищи. Использовал спальню только для сна и секса. И считал, что сласти предназначены для детей — взрослым есть их предосудительно. Но ее претензии к Уиллу были мелкими, по сути, ребяческими. В жизни существуют более важные вещи. Однако как разобраться с этими более важными вещами, Анджелина не знала.

* * *

На третье утро, когда шел такой сильный дождь, что казалось, будто кто-то задернул вокруг дома серые занавеси, перед уходом Уилл, чтобы поцеловать жену, был вынужден подойти к постели, потому что она осталась лежать, то сворачиваясь клубочком, то потягиваясь во всех направлениях, какие только могла изобрести.

На четвертый день, в пятницу, в шесть часов вечера Анджелина налила бокал вина, наполнила пенную ванну; именно там Уилл и нашел ее, когда в шесть тридцать вернулся домой.

На протяжении всего дождливого уик-энда — они с Уиллом смотрели игру Джорджии с Арканзасом, разговаривали с каждой из дочерей по телефону, сидели на веранде и жарили на ужин стейки, — Анджелина

носила в переднем кармане джинсов коричневый пакетик «Эм-энд-эмс», и когда у нее возникло желание, отправила крошечное цветное драже в рот.

— «Эм-энд-эмс»? — спросил Уилл, покосившись на пакетик.

— Да, — ответила она.

* * *

В понедельник зачарованная пляшущими пятнами солнечного света Анджелина, сопровождая их гастрольное турне, бродила из комнаты в комнату. Во вторник, спустя целую неделю новой жизни, почувствовала, что может начать распеленываться — будто это был лишь вопрос избавления от лишних слоев оболочки. В среду испытала боль в мышцах, поняла, что хочет снова ощутить ток крови в венах, и это подготовило ее к четверговым размышлениям о возвращении в профессию, которые не единожды посещали ее летом. Анджелина всегда умела заботиться о людях, еще до того, как у нее появились собственные дети. Она вздохнула и расправила плечи. Не нужно форсировать события; у нее достаточно времени, чтобы позволить себе всплыть на поверхность. До самого Дня благодарения дом в полном ее распоряжении.

* * *

Утром второй пятницы, пока Уилл садился в машину и выезжал задним ходом, Анджелина стояла

у порога. И продолжала стоять там, когда ворота гаража опустились, отрезав остальной мир от ее собственной, частной вселенной, в которую она, развернувшись, и устремилась, словно для того, чтобы разгадать себя. В спальне остановилась перед своим шкафом-купе, заполненным одеждой прямо-таки до отказа. Перегруженным. Набитым. Нашпигованным.

Может, стоит начать с центра и пробиваться наружу? Или, наоборот, проложить себе путь внутрь? Как бы там ни было, Анджелина *приступила*.

Сперва она попыталась рассортировать вещи прямо на вешалках, в тесном пространстве шкафа, но скоро вспотела. Ей стало душно, появилось ощущение клаустрофобии. Поэтому Анджелина собрала висящую одежду в охапку и перенесла на кровать. Вытащила обувь, стопки свитеров, корзины с зонтиками и сумочками, чемоданы, коробки и пакеты. Достала из шкафа всё до последнего ремня и шарфа. Забравшись на стремянку, вымыла верхнюю полку и деревянную перекладину. Опустившись на четвереньки, влажной тряпкой прошла по краю ковра внутри шкафа, рядом с плинтусом, в результате чего образовался влажный черный комок пыли. Протерла нижние полки и внутренности выдвижных ящиков. Пропылесосила, убрала пылесос.

Стоя в чистом шкафу, Анджелина ощутила тяжесть своей пропотевшей одежды. Она вылезла

наружу, сняла всё и бросила в корзину для белья. Снова оказавшись нагой, на сей раз в тесном пространстве пустого шкафа, легла на ковер. Закрыла глаза, вздохнула и неподвижно застыла. Двигалась лишь ее грудь, вздымавшаяся и опускавшаяся, когда она вдыхала сладкий запах пустоты — пустоты, в которой можно было делать всё что угодно, заново открывая для себя, что именно доставляет радость.

Анджелине захотелось пить. В ванной из крана потекла ржавая струйка. Когда она посветлела, женщина наполнила стакан, сделала глоток воды с землистым привкусом и вернулась в шкаф-купе, где села по-турецки, поставив стакан перед собой. Безмятежность исчезла, Анджелине стало не по себе. Когда она потянулась к стакану, сердце ее сжалось и застучало. По телу побежали мурашки. Ей еще сильнее захотелось пить. Откуда-то из потаенных глубин, о которых она и не подозревала, всплыло воспоминание о первом месяце их совместной жизни с Уиллом. Один раз, когда они сидели бок о бок в своем маленьком гнездышке и смотрели матч «Атланта брэйвс», Анджелина повернулась к Уиллу и попросила: «Ты не принесешь мне стакан воды?»

Она не понимала этого тогда (до этой самой секунды!), но то, что произошло дальше, навсегда изменило ее. Пошатнуло некие основы, которые прежде казались ей незыблемыми.

— Так не делают, — ответил Уилл, нахмурившись, и лицо его посуровело.

— Чего не делают? — удивилась Анджелина.

— Когда два человека в равной мере дееспособны, то один не просит об услуге другого. Подобное неприемлемо.

Конечно, просит. Там, откуда она родом, это делали постоянно. Друг для друга.

Уилл был настроен твердо и решительно.

— Это неприемлемо.

Лицо у нее запылало, в горле пересохло. Она лишилась дара речи. А потом исчезла. Ее подлинное «я» с его неприемлемыми устоями устремилось к горам, в укрытие. Уилл декларировал одно правило за другим, и она отвечала: «А!», вместо того чтобы объявить: «Я не согласна», «В моем мире всё по-другому» или «Давай поговорим об этом». На самом деле Уилл подавлял ее, и она исчезала.

Анджелина годами твердила себе, что брак требует компромиссов, а компромиссы требуют, чтобы люди держали себя в узде. Но одновременно это означало терять себя.

Она поднялась с пола, случайно опрокинув стакан, но не бросилась его поднимать, а стояла и смотрела, как темнеет залитый водой ковер. Затем перешагнула сырое место. В конце концов, это всего лишь вода.

На стуле, в запечатанном пластиковом пакете, Анджелина обнаружила новую спортивную одежду, которую заказала неделю назад: обтягивающие черные штаны с лайкрой, которые облегчали движения, и плотно прилегающую к телу белую кофту с длинными расклешенными рукавами. В ванной, надев всё это, она взглянула в зеркало и увидела новую складку жира, недавно появившуюся у нее на талии. Изогнулась, чтобы осмотреть себя сзади. Ягодицы здорово выпирали. Анджелина потянулась было к низу кофты, намереваясь стянуть ее через голову, но опустила руки. Это ее жировая складка, ее ягодицы. Надо принять их, а не прятать.

Проходя мимо дверцы шкафа-купе, Анджелина, констатируя, что стакан так и валяется на боку, взяла полотенце и прикрыла им мокрое пятно. Был уже четвертый час, она проголодалась, ведь так и не прервалась на ланч, *а еще*, хотела вернуть одежду в шкаф до того, как домой вернется Уилл. Однако, встав на четвереньки и прижав полотенце к коврику, чтобы оно впитало воду, Анджелина оказалась так близко к полу! И не пошла на кухню, не стала убирать вещи, а легла на полотенце и задумалась, что ей хочется сохранить, а что выбросить.